

ИЗМЕНЧИВАЯ КЛИО

Предназначение учебника истории: дискуссия продолжается

Арсений Замостьянов

История — это искусство, которому покровительствует муза Клио, — капризная и ветреная, как любая из обитательниц Геликона. Сколько бы наши историки ни пытались быть объективными, в этой науке всегда будет присутствовать художественное начало. И нельзя лишать учебники истории авторского начала, художественного субъективизма. Но, изучая общество, в котором живём, определяя стратегию его развития, мы должны выбрать авторов школьного учебника, определить тенденцию изучения истории Отечества.

Каждое значимое социокультурное явление имеет экономические предпосылки. До 1970-х годов наша страна толком не знала, что такое нефтегазовое благополучие. В те времена экспорт нефти и нефтепродуктов из России не обрёл ещё широкого русла. Когда же богатейшие ресурсы страны обратились в звонкую монету — кроме расходов на военную промышленность и новых вложений в добывающую промышленность, государство укрепило и образовательную систему. Именно тогда мы получили бесплатные учебники со знаменательными словами в качестве девиза: «Учебник — твой друг и помощник, береги его. Помни: им будут пользоваться твои младшие товарищи». Сегодня, когда цены на российское сырьё позволяют нашим политикам провозгласить амбициозную программу «борьбы с бедностью», мы снова можем говорить о добротном бесплатном учебнике для школьников. Как нынче, с лёгкой руки кремлёвских спичрайтеров, принято говорить, «если мы можем — значит, мы должны».

Всякий раз, когда затеваются новые споры по поводу изменения концепции учебников истории, мы вспоминаем несколько характерных цитат. Вот Михаил Николаевич Покровский — выдающийся историк начала XX века, постоянный автор журнала «Народное просвещение», ставший после 1917 года одним из самых влиятельных идеологов нового строя. Всем известно выражение Покровского: «История — это политика, опрокинутая в прошлое». Выбирая между правдой и целесообразностью, Покровский отдавал предпочтение второй. Выбор этот не так циничен, как кажется на первый взгляд. Вспомним, что и Ф.М. Достоевский предпочитал реальной правде высокую нравственную идею: «Если истина вне Христа, то я останусь с Христом, а не с истиной». Ведь эта логика работает не только в религиозном аспекте... Можно вспомнить и двустипшие Уильяма Блейка: «Правду гнусную скажи — выйдет гаже гнусной лжи». Сложнейшую нравственную дилемму в два счёта не решишь.

Известно, с какой беспощадной строгостью клеймили историю России, а порой и народный характер, такие яркие и самобытные наши мыслители, как А.И. Герцен и В.И. Ленин — кровные сыновья российской куль-

Молитесь, кайтесь, к небу длани!

За все грехи былых времён,

За ваши каинские брани

Ещё с младенческих пелён;

За слёзы страшной той години,

Когда, враждой упоены,

Вы звали чуждые дружины

На гибель русской стороны.

За рабство вековому плену,

За робость пред мечом Литвы,

За Новгород, его измену,

За двоедушие Москвы...

А.С. Хомяков

туры, проповедовавшие космополитическое мышление. Но и виднейший представитель патриотической мысли, поэт, богослов и историк Алексей Степанович Хомяков не раз подвергал пороки своего возлюбленного Отечества строгому суду, на который способен православный, церковный человек, не отделяющий своей судьбы от судеб России, своей вины от вины всенародной.

Хомяков с хирургической честностью раскрывает раны российской истории, чтобы они вечно кровоточили. Поэтические тезисы напоминают расхожую публицистику авторов, и в XIX, и в XX веках призывавших ко всенародному покаянию за исторические грехи. Но у этих аналогичных призывов разная природа. У Хомякова в подтексте нет надежды на политические реформы, на приобщение к западным цивилизационным ценностям. Природа всенародно-го покаяния у Хомякова иная. Поэт отождествляет личный духовный опыт с судьбой России. Раскаяние в грехах Отечества для него — личное раскаяние, духовная работа во спасение души.

Безусловно, в беседах с учениками педагог должен иметь в виду высокий уровень взыскательности, показанный русскими мыслителями — исследователями патриотического чувства. Тема эта на Руси вдохновляла мыслителей со времён митрополита Илариона. Учитель истории должен ориентироваться в литературе, прямо или косвенно посвящённой «русской идее», а также в образцах советского патриотизма. Более того, необходимо открывать перед школьниками двери в эти высшие инстанции — труды великих учёных и писателей. Для нас важно не потерять сыновней связи с патриотизмом М.В. Ломоносова и Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и И.А. Ильина... Противоречивые материи, вдохновенные, высокие образы... Но дельный школьный учебник истории, написанный гениальной рукой Николая Васильевича Гоголя, представить невозможно. В пространстве великого

творчества необходимы крайняя тенденциозность, субъективизм и противоречия... Всё это нужно изучать, но учебники пишутся в более прагматических целях: нам нужно бороться с невежеством и маргинальностью. А сердце учителя, чья молодость пришлось на шестидесятые и семидесятые, обязательно отзовется авторитетным предупреждением Булата Окуджавы:

Но из грехов нашей Родины вечной
Не сотворить бы кумира себе.

Изящный поэтический афоризм, посверкивающий житейской мудростью, — но такой неподходящий для работы с материалами для школьного учебника истории...

Дискуссия об учебниках истории, обострившаяся в 2003 году, не нова. Видно, такова уж природа этого вопроса, что государственная власть всегда будет обращать на него внимание. В августе 1934 года в «Правде» были опубликованы директивные «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР», подписанные И.В. Сталиным, А.А. Ждановым и С.М. Кировым. Главный вывод вождей заключался в последнем абзаце: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых». Это замечание дало ход целому направлению в историографии. Симптоматично, что и В.В. Путин в своём разговоре с историками призвал к написанию истории народов Содружества Независимых Государств. В таком пожелании заложена дальновидная геополитическая мысль. Потерять дружбу, потерять чувство единого пространства легко, а восстанавливать разорванные связи трудно. Нынешние взаимоотношения братских народов, увы, находятся за пределами здравого смысла, на который уповает президент России. Интерес главы государства к работе историков не праздный и с игрой на публику он не связан. Сегодня, как и в тридцатые годы, государство нуждается в формировании здорового общества, настроенного на созидательный труд и оседлое, стабильное бытие. В дискуссию включились историки и журналисты. Последние с недоумением отнеслись к президентской инициативе, заговорили о сведении личных счётов... Увы, подобные комментаторы за деревьями не увидели леса, а за злободневными интересами — стратегии. Просто президент дал понять, что власть не устраняется от управления общественными настроениями, не прячется за демагогию о самоорганизации социума. Это означает, что тенденция, возобладовавшая в девяностые годы, начинает ослабевать.

При чтении многих страниц, написанных нашими историками и политологами в эти самые девяностые годы, вспоминается тезис Льюиса Фейера: «Либеральная цивилизация начинается

с концом эры идеологии». Сам Фейер позже опроверг этот тезис, возвестив о жёстком идеологическом прессинге, связанном с приливами и отливами холодной войны. Этот путь повторили и наши авторы девяностых. Сначала — полное отрицание социальной терапии и принципа политической целесообразности. Постмодернистская ирония, равно направленная и на прискорбные, и на священные страницы отечественной истории... Авторами руководила одна эмоция — освобождение от прежнего, регламентированного и системного курса. Но деидеологизированной истории не получилось. Наши историки (многие из них незадолго до этого вышли из КПСС, а некоторые всю жизнь посвятили изучению и пропаганде марксизма) объявили войну не только советскому строю, но стереотипам, выработанным советской исторической наукой. В новых учебниках с кривой усмешкой говорилось и о классовых интересах, и об интернационализме, и об индустриализации... Общество переживало период сомнений и тягостных раздумий. Отрицаний хватало, эмоций и предрассудков тоже, а вот что касается позитива... По Блоку: «Какому хочешь чародею отдай разбойную красу...» И они объявлялись — чародеи, новые хозяева жизни. Хозяева без рачительности, мыслители без мудрости, дельцы без дальновидной предприимчивости.

Поводом для дискуссии, которая продолжается уже больше года, стало «медленное чтение» учебника Игоря Долуцкого «Отечественная история XX века». Уже попросившись с министерским грифом на учебнике собственного изготовления, Игорь Долуцкий опубликовал в газете «Ведомости» программную статью: «Большую часть XX века государство и его институты были преступны. Как преступна, по-моему, реализация коммунистической идеи, обернувшаяся трагедией для страны и народа, потерявших, по самым осторожным подсчётам, не менее 25–30 миллионов жизней. И когда вам рекомендуют любить эту историю и посредством её воспитывать свою страну, у меня возникают серьёзные подозрения: не является ли патриотизм в такой трактовке лишь средством, с помощью которого подменяют гнусное дело его успешным выполнением». Налицо рейгановский пещерный антисоветизм — все эти тезисы в том или ином виде вошли и в учебник! Имеет ли право историк, школьный учитель, на такие мысли? Нет вопроса, конечно, имеет. Но великий Герцен не годится в авторы школьного учебника истории. Слишком рутинное это дело для бунтарей — написание учебника. Легко представить себе Игоря Долуцкого в роли страстного оратора: «Мы расшифровываем истинную историю, избавляем её от пропагандистского советского глянца». Но такая правда входит в противоречие с просветительскими задачами, потому что превращает человека, изучающего родную историю, в униженного неврастеника. Старшее поколение — отцы и деды — представляются ничёмными, зрящими людьми, воевавшими за ложные идеалы. Игорь Долуцкий, который в последние месяцы стал своеобразной овцой отпущен-

ния, вовсе не одинок. Возьмите с полки и прочитайте, к примеру, учебник «История России XX века» для 9-го класса А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной (М., 1995). Тех же шей, да пожиже влей.

Следует проанализировать многогранное и противоречивое наследие советской педагогической и исторической мысли, отражённое в учебной литературе. Основная дисциплина из блока общественных наук — история СССР — ушла в архивы. Отзвучали праздничные напевы 1982 года о «прекрасной, как молодость, стране», в которой «мы стали сильнее, чем были вчера». Растаял в звонком зимнем воздухе горьковатый запах салютов — и восьмидесятилетие Советского Союза в декабре 2002 года не стало всенародным праздником. Другой декабрь — 1991-го — волей трёх республиканских делегаций упразднил великую державу. Распалась единая семья народов, которая не раз достойно отвечала на вызовы времени, но не смогла устоять перед вечными искушениями человечества — сребролюбием, тщеславием, эгоизмом... В те месяцы немногие предупреждали о социальных опасностях распада. О том, что общество, не желающее декларировать высокие цели, обречено на охлократию и олигархию, на маргинализацию десятков тысяч людей.

Какие только цифры не упоминались историками, писателями и политиками в доказательство преступности советского режима! Их переключки напоминала лихой аукцион: десять миллионов безвинно расстрелянных, пятнадцать, двадцать, тридцать пять, пятьдесят... Кошунственная «игра на повышение» продолжилась и в разговоре о павших на полях сражений Великой Отечественной. Одним хотелось доковыряться до правды, как до болячки, другие прагматично выполняли заказ, третьи просто рвали на груди тельняшку, давая волю эмоциям. Страшная полуправда (именно так!) о Гражданской войне и сталинском времени тоже оказалась «политикой, опрокинутой в прошлое». Ведь, по логике больших цифр, выходило, что

все поголовно граждане России, кому в 1991-м было больше пятидесяти, несут ответственность за преступный режим. У них, как говорили бойкие журналисты того времени, «руки по локоть в крови». Они — сплошь стукачи и палачи — не заслуживают ни банковских счетов, ни достойных зарплат и пенсий. Молодые сказали старшим: «Вы жили неправильно» и уже свысока смотрели на собственных отцов и дедов, как на пособников дьявола... Характерно, что подобные чувства к родителям воспитываются лидерами тоталитарных сект. Новые боги — рынок, частная инициатива, хлынувшие мутным потоком астрологи и чародеи — добились беспрекословного подчинения на обломках прежних святынь. Не только коммунистическая идеология, но и сопутствовавшие ей явления — такие, как вера в научный прогресс, в конкурентоспособность собственной страны, в красоту и святость труда, в дружбу народов, в величие простого народа, его фольклора, его морали. Сильные личности девяностых годов чувствовали себя конкистадорами в «панцирях железных», покоряющими «страну дураков».

В предвыборных дебатах 2004 года Владимир Жириновский, выступая в поддержку кандидата Малышкина (имя и отчество которого сам основатель ЛДПСС и ЛДПР помнит нетвёрдо), заявил, что экономика СССР и России никогда не достигала уровня 1913 года. Несколько раз на разные лады он повторял эту мысль, добиваясь эффекта прямого внушения. Если бы наши школьные учебники опирались на статистику, на графики цифр — и их анализ был экзаменационным и зачётным заданием, то откровения политического демагога воспринимались бы так же, как проповедь против таблицы умножения или рассказ о том, что роман «Война и мир» был написан задолго до войны 1812 года. Увы, мракобесие «на историческую тему» оказывается неочевидным для публики. В школьных учебниках истории следует публиковать полные результаты всех переписей населения. Их анализ, в сравнении с анализом аналогичных данных из истории США, КНР, европейских стран, позволит объективно оценивать периоды нашей истории. Не нужно бояться посвящать статистике целые страницы и десятки страниц — и не только в приложении к учебнику. За последнее десятилетие в свет вышло немало учебных пособий и хрестоматий по истории Отечества, в которых широко представлены и откомментированы разнообразные документы. Именно такие книги и хотелось бы видеть в качестве учебников! Они куда полезнее для учителей и школьников, нежели скоропортящиеся эссе на исторические темы, которые выпускаются под авторитетными грифами...

Каждое фактическое сведение нуждается в контексте. Как пример грамотного (хотя и не исчерпывающе полного) использования статистических сведений можно вспомнить учебник «История Отечества. XX век» 1995 года, написанный историками В.П. Дмитренко, В.Д. Есаковым и В.А. Шестаковым. Этот учебник, написанный и изданный в непростые девяностые годы,

к чести авторов, практически избежал досадной конъюнктуры того деструктивного времени. Только досадно, что, отступая от политической истории, от экономики и статистических данных, авторы допускают ряд ошибок. В коротких экскурсах в историю науки, искусства и спорта трудно отыскать хотя бы одну-единственную корректную идею... Например, малое количество нобелевских премий они объясняют кризисом в отечественной физике... Шаткий, очень шаткий довод — по другим, более объективным, показателям советская физика не покидала мировых пьедесталов долгие годы. Но этот изъян можно вменить в вину редакторам и консультантам из издательства «Дрофа».

Школьный учебник истории XX века должен содержать данные о продолжительности жизни граждан нашей страны от начала века до восьмидесятых годов и позже. Вместе с аналогичными сведениями о Соединённых Штатах Америки, о Китайской Народной Республике, о странах Европы, Африки и Латинской Америки эти данные станут изрядным материалом для анализа социальной истории. И — снова — разнообразные злопыхатели и фантазёры будут схвачены за руку. Кроме цитат из докладов и трудов политических деятелей и иных свидетелей эпох, необходима подробная библиография разнообразных изданий. Книги глав нашего государства, выдающихся историков, комментаторов исторических событий (многие из этих текстов современный школьник, при желании, легко найдёт в Интернете) не должны быть секретом для учащихся. Эти книги спорят одна с другой. И пускай И.А. Бунин спорит с А.А. Блоком, В.И. Ленин — с Г.В. Плехановым, И.А. Ильин — с А.М. Горьким, И.В. Сталин — с А.И. Солженицыным... Мы обязаны предложить школьнику познакомиться и с книгами, подписанными Л.И. Брежневым, и с книгами, изданными в последние годы А.Н. Яковлевым... В ткани учебника столкновение мнений должно быть только намечено, а уж далее нужно изучать источники, подлинные свидетельства. И не вырванные из контекста цитаты, которыми можно проиллюстрировать любую идею, а книги, каждая из которых была событием своего времени. А в учебнике истории было бы нелишним поместить краткие изложения основных работ ведущих политиков и идеологов нашего государства, как говорится, «от Гостомысла до Тимашева».

Здесь необходимо затронуть «спортивную» тему, столь популярную в последние годы. Руководитель крупнейшего спортивного ведомства России, в недалёком прошлом — выдающийся хоккеист Вячеслав Фетисов на мартовской встрече с президентом говорил о школьных учебниках истории... От имени многих поколений замечательных российских спортсменов Фетисов высказал пожелание увидеть в учебниках истории главы о великих спортсменах, об их свершениях. И такая идея нашла понимание. Можно предвидеть, с каким пылом примутся чиновники пропагандировать

с концом эры идеологии». Сам Фейер позже опроверг этот тезис, возвестив о жёстком идеологическом прессинге, связанном с приливами и отливами холодной войны. Этот путь повторили и наши авторы девяностых. Сначала — полное отрицание социальной терапии и принципа политической целесообразности. Постмодернистская ирония, равно направленная и на прискорбные, и на священные страницы отечественной истории... Авторами руководила одна эмоция — освобождение от прежнего, регламентированного и системного курса. Но деидеологизированной истории не получилось. Наши историки (многие из них незадолго до этого вышли из КПСС, а некоторые всю жизнь посвятили изучению и пропаганде марксизма) объявили войну не только советскому строю, но стереотипам, выработанным советской исторической наукой. В новых учебниках с кривой усмешкой говорилось и о классовых интересах, и об интернационализме, и об индустриализации... Общество переживало период сомнений и тягостных раздумий. Отрицаний хватало, эмоций и предрассудков тоже, а вот что касается позитива... По Блоку: «Какому хочешь чародею отдай разбойную красу...» И они объявлялись — чародеи, новые хозяева жизни. Хозяева без рачительности, мыслители без мудрости, дельцы без дальновидной предприимчивости.

Поводом для дискуссии, которая продолжается уже больше года, стало «медленное чтение» учебника Игоря Долуцкого «Отечественная история XX века». Уже попросившись с министерским грифом на учебнике собственного изготовления, Игорь Долуцкий опубликовал в газете «Ведомости» программную статью: «Большую часть XX века государство и его институты были преступны. Как преступна, по-моему, реализация коммунистической идеи, обернувшаяся трагедией для страны и народа, потерявших, по самым осторожным подсчётам, не менее 25–30 миллионов жизней. И когда вам рекомендуют любить эту историю и посредством её воспитывать свою страну, у меня возникают серьёзные подозрения: не является ли патриотизм в такой трактовке лишь средством, с помощью которого подменяют гнусное дело его успешным выполнением». Налицо рейгановский пещерный антисоветизм — все эти тезисы в том или ином виде вошли и в учебник! Имеет ли право историк, школьный учитель, на такие мысли? Нет вопроса, конечно, имеет. Но великий Герцен не годится в авторы школьного учебника истории. Слишком рутинное это дело для бунтарей — написание учебника. Легко представить себе Игоря Долуцкого в роли страстного оратора: «Мы расшифровываем истинную историю, избавляем её от пропагандистского советского глянца». Но такая правда входит в противоречие с просветительскими задачами, потому что превращает человека, изучающего родную историю, в униженного неврастеника. Старшее поколение — отцы и деды — представляются ничёмными, зрящими людьми, воевавшими за ложные идеалы. Игорь Долуцкий, который в последние месяцы стал своеобразной овцой отпущен-

Иные авторы учебников не видят и не хотят видеть самобытной красоты российской истории, её высокого смысла. Её героики. Думаю, что такие авторы должны наслаждаться завоеваниями свободы слова, публикуясь на страницах научных и популярных журналов, предлагая свои работы частным издательствам, но ниспровергательство под флагом Министерства образования России выглядит нелепо. Министерство не заинтересовано в утечке мозгов из страны, в росте детской преступности и всяческого радикализма. Государственная политика не может быть революционной по отношению к самой себе. Ей органически присуща *охранительная тенденция*.

Вопрос оценки семидесяти лет советской власти тонок и многозначен. Попробуем проанализировать официальную точку зрения. Ушли в прошлое ельцинские ритуальные антикоммунистические заклинания, которыми первый президент России любил щеголять перед иностранными заимодавцами. Сегодня телевизионные программы щедро демонстрируют фильмы советского времени, в том числе и картины мощного идеологического посыла — «Коммунист», «Председатель», «Член правительства», «Молодая гвардия», многие другие... Когда мы говорим о героическом пафосе, речь ни в коем случае не идёт об идеологической вампуке. Учебник истории не должен представлять жизнь Родины как безоблачное триумфальное шествие. Да таких учебников никогда и не было — разве что истории партии, в которых восторг перед величием коммунистической идеи нередко придавал авторской мысли оттенок раболепия. Но в те годы существовала лишь одна партия, а нынче — добрый десяток и в каждой — своё холуйство, своя коррупция, свои аппетиты. И куда меньше ответственности перед обществом, чем в прошлые — совсем не идеальные — годы. Наша задача — не допустить в школу дух новой партийности, какого бы окраса она ни была. А уж как бы разгулялись политтехнологи, если бы закон наделял наших граждан избирательным правом не с восемнадцати, а с шестнадцати лет... Портреты кандидатов с пиджаками, перекинутыми через плечо (откуда взялась эта некомфортная мода?), украшали бы не только учебники истории, но, пожалуй, и задачки по алгебре.

Всё дальше и дальше от нас тридцатые годы с их максимализмом, с их ускоренным курсом на индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию. Но — вот ведь совпадение! — и сегодня школьный учебник истории оказывается в центре внимания высшего политического руководства. Проанализируем слова президента Путина: «*Современные учебники для школ и вузов не должны становиться площадкой для новой политической и идеологической борьбы*». Предупреждение для горячих комиссарских голов. «*В этих учебниках должны излагаться факты истории, они должны воспитывать чувство гордости за свою историю, за свою страну*», — президент произносит слова, которых мы ждали за последние пятнадцать лет. «*Конечно, неплохо, что у нас по-*

явилось большое многообразие литературных трудов, — отмечает глава государства. — Мы продолжим радоваться тому, что ушли от однопартийности и моноидеологического освящения истории нашей страны. Это большое достижение», — В.В. Путин справедливо указывает на то, что и последние годы были прожиты не зря, он выуживает позитив из скудного постсоветского материала, подавая пример историкам и педагогам. В то же время президент отмечает: «...нельзя допускать впадения в другую крайность». Эта другая крайность ярко проявилась в стиле Долуцкого. И Путин расшифровывает свои претензии: «В своё время историки напирали на негатив, так как была задача разрушить прежнюю систему. Сейчас у нас иная, созидательная задача. При этом необходимо снять всю шелуху и пену, которые за эти годы наслоились». Вывод прост, он характерен для любой ответственной политики: общество выбирает созидание вместо разрушения и готово отказаться от тех идей и эмоций, которые созиданию мешают.

Ещё одно искушение, с которым предстоит справиться нашим историкам, — это мертвящее равнение на евро-стандарт. В 1996 году в издательстве «Просвещение» и одновременно — в минском издательстве «Высшая школа» был издан капитальный учебник «История Европы», написанный двенадцатью историками из разных стран — из Франции, Великобритании, Греции, Нидерландов. Под заглавием — горделивое пояснение: «по европейской инициативе Фредерика Делуша». Чем отличается «европейская инициатива» от азиатской или арктической — сие известно только посвящённым. Тем, кто привык вставлять упоминание о Европе повсюду — в названия денег, ремонтов, организаций. Этот учебник, впервые изданный во Франции в 1992-м, знаменателен тем, что он породил целый выводок аналогичных, дочерних изданий. Родственных ему, прежде всего, по идеологии. Одна из примет такой идеологии —

полное игнорирование российской роли даже в таких масштабных явлениях европейской истории, как Семилетняя война, наполеоновские войны, Священный Союз, освобождение Балкан, Первая мировая война, революционная волна 1910—1920-х годов, наконец, Вторая мировая война, образование ООН, противостояние блоков НАТО и ОВД, покорение Арктики и космоса... Пренебрежимо малым оказывается вклад России и СССР и в мировую науку, и в искусство. Разве что упомянут участие Сталина в «большой тройке» да посвятят благодушную главу горбачёвской перестройке. Можем ли мы согласиться с подобной версией европейской истории? Можем ли познакомить с ней школьников? Результат такого знакомства предсказуем: формирование комплекса второстепенной, ущербной страны. От этого комплекса рукой подать и до духовной эмиграции, и, напротив, до радикального реваншизма, выражающегося, между прочим, и в укреплении фашистской идеологии.

Без распрей, с величайшей осторожностью, мы должны выработать концепцию учебной книги. Автору учебника истории следует полагаться на инстинкт народного самосохранения куда вернее, чем на желание личного самоутверждения. Нам необходимо возродить такое понятие, как «государственный подход». Ведь государство — это мы, наше прошлое, настоящее и будущее. А учебники истории, выпущенные в девяностые годы, воспитывают враждебное отношение к российскому и советскому государству, формируют образ беспощадной, ненавистной и бездушной машины. Какая уж тут объективность, какая социальная терапия, какой государственный подход... Мелочные интересы, амбиции идеологов-одиночек — и только. Прискорбно, что эти неопрятные еврокнижки выходят в авторитетных российских издательствах, под солидными грифами. Наша задача — пропагандировать отечественную историю и культуру, пропагандировать в мире русский язык. Слепое следование за антироссийской мифологией ведёт напрямик в пропасть. А между тем опыт создания объективного, насыщенного справочника у современных историков есть. Уже четыре издания выдержала книга Виктора Чумакова и Евгения Пчелова «Правители России». Без малого десятилетие этот уникальный справочник служит и учёным, и журналистам, и учителям, и студентам, и школьникам. Книга построена на хронологическом перечислении фактов, сформулированных с полнотой и доходчивостью. Принцип, положенный Чумаковым и Пчеловым в основу творческого метода, должен возобладать и в работе над школьными учебниками. Пусть к обобщениям и аналитическим выводам приходят учителя и школьники. А учебная книга должна содержать фактуру различных периодов истории, точную и не вызывающую противоречивых толкований информацию. Современный школьник после прочтения новомодных учебников и пылких занятий на уроках истории готов судить, проклинать и миловать великих деятелей России; готов к громким словесам и смелым выводам. А вот простого порядка в голове, элемен-

тарной интеллектуальной гигиены не хватает. И молодые люди не могут точно ответить, кто был раньше — Пётр Великий или Екатерина Великая, Ленин или Сталин... Излагая факты истории России, безбожно путают причины и следствия, барахтаются в волнах переменчивой идеологической конъюнктуры... Всё это — серьёзное упущение современной школы. Невтвёрдое знание порождает восприимчивость ко всякого рода исторической алхимии, а это уже опасное явление. Культурный человек обязан иметь хотя бы приблизительное представление о том, сколько лет прошло, скажем, между смертью А.С. Пушкина и выходом в свет великих романов Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. Очень выразительно выглядит и последовательность великих реформ в скупом изложении хронологической таблицы. Рассказ о революциях 1917 года также необходимо начинать с истории крестьянских волнений, народовольческих движений, террора, с истории обострения национального вопроса — в статистически точном повествовании. Тогда в нашем обиходе не будет места истерическим суеверным рассуждениям о революции как о помрачении народного рассудка. Чувство истории позволяет видеть извилистую, но непреклонную логику событий. Позволяет воздерживаться от скоропалительных (и нередко депрессивных для самого школьника, «обдумывающего жизнь») приговоров. В какое плавание мы бы ни отправлялись на уроках истории — общим контекстом занятий должна быть отечественная культура, представленная в её прекрасном многоцветии. Изучение истории Отечества и истории родной литературы не может быть разорванным. Мы нередко пожимаем плечами — как сделать науку занимательной. А ведь попытка изучения политической истории и литературы как единого культурного пространства открывает возможности для актуализации почтенных учебных дисциплин. Это же такое азартное занятие — анализ сменяющихся эпох, которые выражаются не только в военных и экономических успехах, но и в словесности, в зарождении различных литературных стилей. Кроме того, классические произведения русской литературы прекрасно иллюстрируют историю страны, особенности её духовного и вещного мира. И эссе И.Г. Минераловой, в котором прослеживается высокий патриотизм русской поэзии — её пушкинская нота, показывает нам пути преподавания истории через литературу, через поэзию. Путь, в котором угадываются очертания многих зачинающихся, удачных уроков.

Историческая наука — дама ветреная. Политическая конъюнктура обречена на изменения — год за годом, вождь за вождём. Неизменна только установка на созидание, на жизнь и выживание народа и государства. То, что целесообразно для выполнения этой вечной задачи общества, непременно должно быть сутью школьного учебника истории.

Москва